

Алексей Масалов

Политика любви

DOI: 10.53953/08696365_2022_173_1_302

**Кузьмин Дм. Искусство обнимать любимых во сне:
Вторая книга стихов**

М.; СПб.: Т8 Издательские технологии; Пальмира, 2020. — 119 с. —
(Серия «Пальмира — поэзия»)

Дмитрий Кузьмин известен своей издательской и культуртрегерской деятельностью, но именно он в своих стихах наряду с Кириллом Медведевым, Сергеем Тимофеевым, Полиной Барсковой и другими в начале 2000-х стал изобретателем новой формы политической субъективности, которую Мария Майофис определяет следующим образом: «...автор/лирический герой остро и активно реагирует на явления и события в сфере политического (хотя при этом может считать себя и на самом деле быть политически пассивным), эти реакции и переживания для него не менее важны, чем реакции и переживания на события социальной, культурной, а главное — его частной жизни»¹. Безусловно, именно этот тип политической поэзии повлиял на последующие поколения и трансформировался в связи с концептом «Личное — это политическое» в разнообразных формах политически ангажированной поэзии 2010—2020-х годов.

В поэтике Кузьмина эта форма взаимодействия частного и политического тоже изменяется со временем, радикализируясь в связи с той катастрофой, которую он видит в текущих российских реалиях. И книга «Искусство обнимать любимых во сне» становится воплощением такого высказывания, где частное переплетается с политическим и становится способом неподчинения нарастающей машине насилия, ведь, как гласит аннотация, «это простая книга о том, как любить друг друга в условиях социально-политической катастрофы» (с. 4). Гомосексуальные отношения в этих стихах как раз являются отправной точкой для политики любви,

позволяющей сохранить индивидуальность на фоне авторитарной власти и развязанных ею войн, даже когда возникает чувство бессилия перед ее лицом:

Немного фисташкового мороженого
тому, кого не можешь уберечь от войны.

(С. 46)

1 Майофис М. «Не ослабевайте упражняться в мягкосердии»: Заметки о политической субъективности в современной русской поэзии // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/ne-oslabevajte-uprazhnyatsya-v-mygkoserdii.html>).

В подобной сборке политизированной поэзии выражается специфика творческой эволюции Кузьмина и отличие от предыдущей книги «Хорошо быть живым», избранное из которой открывает одноименный раздел этой. Фокусировка на деталях и разговорный синтаксис, разработанные в диалоге с поэтикой Чарльза Резникофа и его идиоматическим английским, все чаще сменяются анафорическим гинзберговским письмом, построенным на повторах и риторических фигурах, подкрепляя трансформацию политической модальности и темы любви в его поэзии.

Любовь в поэзии Кузьмина можно трактовать как практику свободы в фукольдианском смысле: любовь выступает основой этики заботы о себе и других, в которой «эмос свободы является также способом заботы о других»². Именно поэтому телесная близость в его стихах находится на пересечении частного и политического, а если точнее — именно из этого частного опыта собирается опыт политического неповиновения:

<...>

нельзя .бать в рот и в жопу духовные скрепы,
 нельзя .бать в рот и в жопу традиционные ценности,
 нельзя .бать в рот и в жопу надежды и чаяния русской интеллигенции,
 толкущейся в очереди перед металлоискателями
 ради того, чтобы сплясать на подтанцовке перед царём Иродом,
 и сетующей, что для живых классиков нету спецпропусков:
 это негигиенично — засовывать х.й в гниль и тухлятину,
 можно подцепить дурную болезнь — патриотизм головного мозга,
 сифилис духа, патриархат половых и печатных органов,
 нет уж, товарищи потомки и примкнувшие к ним подонки,
 сами кишите в этой своей трупной жиже,
 а я поберегу свой х.й для моих любимых,
 для любимого рта, любимой п.зды, любимой жопы,
 живых и чистых, убелённых гигиеной и любовью.

(С. 53)

Поэтическая риторика процитированного текста также позволяет постоянно смещать фокус с саркастического отношения к государственной власти в сторону теплоты любовных отношений. Иными словами, в этом и многих других текстах переплетение частного и политических смыслов возникает в напряжении между саркастической инвективой и лирической модальностью высказывания.

Благодаря этому процитированные строки во многом обнажают смысл любви не столько как практики освобождения от «88% населения моей страны» (с. 50), «следственных органов Российской Федерации» (с. 53) и п.зды, «которой вскорости накроется Российская Федерация» (с. 54), сколько именно как практики свободы, когда, по мысли того же Фуко, одного «освобождения недостаточно для того, чтобы определить все варианты практики сво-

2 Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Практика, 2006. С. 249.

боды»³ в сексуальном и политическом смыслах, тесно переплетенных в лирике Кузьмина.

Радикализация политического в поэзии Кузьмина оказывается близка не левоангажированной прагматической поэтике, собирающей речь из осколков идеологических дискурсов и перформативов, а прямому высказыванию феминистской поэзии (о близости поэзии Кузьмина ф-письму, к примеру, говорит критикесса Юлия Поддубнова⁴). При этом поворот от объективистского письма к такой поэтике происходит между 2014 и 2017 годами, как раз в то время, когда формируется феминистская поэзия в текущем ее изводе. Представляется, что такая близость возможна благодаря обращению к автодокументальности и проблемам репрессированной телесности и сексуальности в обоих случаях.

Переплетение частного и политического возникает и в переводном разделе «Стихи про меня», где собранные от Уолта Уитмена и Эйнаrsa Пелшса до Лизы Майер и Джозефа Месси тексты в соответствии с названием раздела дополняют общую интенцию книги. Так, возможность «влюбиться с первого взгляда / в черноглазого официанта» (с. 27) пересекается с воспоминанием о мужчине, «который бродил там со мной, потому что любил меня» (с. 67), а «Кострома, где мальчики не ходят в шортах» (с. 21), — с танцами «у Авиньонского моста» (с. 79). Интенции же политики любви становятся параллельны «Стихам против исключения», в которых развивается идея сохранения индивидуальности вопреки авторитарным машинам и даже собственной токсичности, как в случае автора оригинала:

<...>
 Ни один
 голос не
 одинок:
 пёстрый ковёр
 истории —
 чистый тон,
 слышать его
 значит принять его,
 не поддаваясь
 порыву
 разрушить.
 (С. 85)

Осуществление любви как практики свободы происходит не только посредством свободной любви, выраженной во многих текстах в строках типа «я вцепился зубами в шоколадный загривок маленького Жозе, / когда угольно-чёрный Джейсон железными пальцами / выкрутил мне соски» (с. 106), но и посредством взгляда на любовь, проходящую через большую историю и историю науки, как в одном из самых нежных стихотворений книги:

3 Там же. С. 243.

4 См.: *Медведев С.* Юлия Поддубнова: запрос на феминизм становится массовым // *Prosodia*. 2021. 26 октября (<https://prosodia.ru/catalog/shtudii/yuliya-podlubnova-zapros-na-feminizm-stanovitsya-massovym/>).

начисто переписав первую страницу доказательства
 леммы о замкнутых множествах в нормальном пространстве
 он выбирается из-за огромного дубового стола
 сбрасывает одежду оставаясь в одних плавках
 брызги Атлантики залетают прямо в окно
 в домике всего одна комната две кровати
 два непересекающихся множества отделимы окрестностями
 ветренее сегодня может быть и не стóбит
 он тоже чуть медлит но всё же прыгает в воду
 океан под ним хрипит и не может вырваться
 но потом набирает духу от самой Венесуэлы
 и выхаркивает его на скалы
 окрестность точки не содержит вторую точку
 у меня впереди полвека на то чтобы дописать
 всё о чём он рассказывал мне по утрам

(С. 115)

Эпиграф «17 августа 1924 года, Ба-сюр-Мер» позволяет понять, что в стихотворении раскрывается история взаимоотношений двух родоначальников математической топологии — Павла Александрова и погибшего в этот день Павла Урысона. Современная история науки склонна считать, что их отношения были отношениями двух возлюбленных⁵, так и в этом тексте через образность математической топологии и речь влюбленного раскрывается взаимоотношение любви к науке и к другому. Финал текста, отсылающий и к работе над неопубликованными статьями Урысона, и к написанной через пятьдесят лет биографической статье, во многом выражает и *этнос* любви как взаимоотношения индивидуальностей, через которое возможно сопротивление — в том числе сопротивление смерти. Текст показывает, что любовь и развивает научные идеи, и сохраняет индивидуальность другого, в этих идеях воплощенную.

Такой взгляд не обесценивает человеческую жизнь посредством какой-либо идеологии, будь то религиозная или наукоцентристская. Скорее, наоборот, стихи и переводы Кузьмина говорят о ценности индивидуальной жизни и, как отмечает Илья Кукулин, «о ценности человеческого разнообразия — и о стремлении сохранить образ общества, в котором возможно многообразие совершеннолетних людей, не боящихся использовать свою способность понимания»⁶. Именно поэтому любая идеология, посягающая на человеческую жизнь и человеческую индивидуальность, категорически неприемлема для подобной оптики. Деконструкции и критической рефлексии подвергается не только путинизм и его «рыбьи глаза» (с. 96) и «Натасканная на человечину гопота» (с. 60), но и либеральная интеллигенция, как в тексте «Интеллигенция говорит: немисливо...» (с. 91) или в следующем, отсылающем к протестам движения «Black lives matter» и реакции на них в русскоязычной либеральной среде:

-
- 5 См.: *Грэхем Л., Кантор Ж.-М.* Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 168—173.
- 6 *Кукулин И.* Мир совершеннолетних желаний (вместо предисловия редактора) // Свободный стих Дмитрия Кузьмина: Сборник статей. М.: Sapere Aude, 2018. С. 11.

А вот если бы полицейский участок сожгли дотла в Барнауле,
А вот если бы разнесли в стеклянную пыль витрины в Столешниковом,
А вот если бы киргизы с таджиками маршем прошли по Тверской,
А вот если бы Путин на всякий случай спрятался в бункере,
Что же, пожалели бы мы тогда этот город великий,
Где отличить не умеют правой руки от левой и много скота?

(С. 100)

Политика любви в стихах Дмитрия Кузьмина, как отмечали Денис Ларионов⁷ и Илья Кукулин⁸, связана с идеалами Просвещения, ответственности за себя и за понимание другого/других в ситуации социально-политической катастрофы, оборачивающейся зачастую трагедией частного человека (см., например, стихотворение на сотый день голодовки Олега Сенцова, с. 94).

В этом плане та форма политической и любовной поэзии, которая предлагается Дмитрием Кузьминым, где любовь и ответственность становятся практиками свободы, во многом создает контекст для развития новых форм политической субъективности (например, в квир-поэзии Георгия Мартиросяна и Фридриха Чернышёва). И в этом отчасти создается возможность любить и выбирать, «сдаваться или нет»⁹, даже при все более усиливающемся давлении авторитарной машины:

Знаешь, я, пожалуй, загляну к тебе в спальню ночью,
Потому что из всех видов искусства для нас
Важнейшим является искусство обнимать любимых во сне.

(С. 102)

---

7 Ларионов Д. [Предисловие к подборке «Стихотворения, которые невозможно читать в России» Дмитрия Кузьмина] // <https://discours.io/articles/culture/stihotvoreniya-kotorye-nevozmozhno-chitat-v-rossii-dmitriya-kuzmina>.

8 См.: Кукулин И. Указ. соч. С. 10.

9 Кузьмин Д. Родина... // <https://www.facebook.com/dmitry.kuzmin.566/posts/4242323912496642>.